

Тема творчества в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

М. Булгаков писал свой «закатный роман» более десяти лет, сохранившиеся черновые записи показывают, что за это время многократно менялась концепция романа и его название. Название – часть текста, которая может иметь очень разные функции, определяя, в частности, ведущую тему/темы произведения. Очевидно, что «Мастер и Маргарита» – это не указание на главных героев, а указание на ведущие темы романа: тему любви и тему творчества.

Тема творчества развивается в романе неоднозначно, самым спорным для исследователей оказался финал Мастера (пишу вслед за Гаспаровым с большой буквы, как имя собственное, хотя в романе – везде с маленькой, мастер в разговоре с Иваном Бездомным отказывается от имени).

Предлагаю ознакомиться с выдержками из непростых литературоведческих статей, рассматривающих проблему творчества в романе Булгакова (статьи доступны, если не удовлетворяет выдержка, есть возможность обратиться к полному тексту).

Б. Гаспаров. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

§7. Мастер

Наиболее очевидным образом Мастер и его судьба связаны с героем его романа — Иешуа. Это и бездомность Мастера, теряющего свою квартиру, и всеобщая травля, заканчивающаяся доносом и арестом, и предательство Могарыча, и тема тюрьмы — казни, связанная с пребыванием в клинике Стравинского, и мотив Ученика.

Участь Мастера — это гибель и затем “пробуждение” — воскресение для покоя. Интересно, что в романе не говорится прямо о воскресении Иешуа, его история ограничивается (в соответствии с традиционными рамками Пассиона) погребением. Но тема воскресения настойчиво повторяется в романе, сначала пародийно (“воскресение” Лиходеева, Куролесова, кота) и, наконец, в судьбе Мастера. Перед нами еще один пример косвенного введения в роман Евангельского рассказа.

Интересна также трактовка воскресения как пробуждения. Тем самым прошлое, тот мир, в котором Мастер жил, оказывается представленным как сон и как сон — исчезает: “уходит в землю”, оставляя по себе дым и туман (конец сцены на Воробьевых горах). Данный мотив выступает и в словах прощенного (и тоже пробудившегося) Пилата в эпилоге — о казни: “Ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было? — Ну, конечно, не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось”. (Правда, “обезображенное лицо” и “хриплый голос” спутника Пилата говорят об обратном — но такова логика мифа.)

<...> Рассмотрим теперь другие проекции образа Мастера. <...> **Образ Мастера имеет у Булгакова, прежде всего, ясные автобиографические ассоциации.** Обстановка травли, в которой оказался Булгаков во второй половине 20-х годов, весьма напоминает обстоятельства, о которых рассказывает Мастер. Это и полное отрешение от литературной жизни, и отсутствие средств к существованию, и постоянное ожидание “худшего” (поскольку статьи-доносы, градом сыпавшиеся в печати этих лет, имели отнюдь не только литературный, но и политический характер). Кульминацией всей этой, тянувшейся несколько лет “кампании” стало известное письмо Булгакова к советскому правительству (собственно, к Сталину) — 1930 г. Примечательны заключительные слова этого письма: “<...> у меня, драматурга, написавшего шесть пьес, известного и в СССР, и за границей, — налицо в данный момент — нищета, улица и гибель”. Обращает на себя внимание буквально дословное совпадение с тем, как Мастер оценивает свое положение, ясно свидетельствующее о том, что судьба Мастера сознательно ассоциировалась Булгаковым с его собственной судьбой. <...> В плане автобиографических ассоциаций существенно также, что главной причиной кампании против Булгакова явился его роман “Белая Гвардия” и пьеса “Дни Турбиных”, и прежде всего главный герой этих произведений — “белогвардеец” Алексей Турбин. Таким образом, выявляется **не только сходство в положении Булгакова и Мастера, но и параллелизм героя романа Булгакова и романа Мастера и их литературной судьбы, которая, в свою очередь, является не только причиной, но и параллелью судьбы их авторов.**

<...> данный образ <Мастера> может быть также приведен в **связь с личностью и судьбой Манделъштама.** Судьба Манделъштама в середине 30-х годов — это арест и ссылка в Чердынь (северный Урал), следствием которой явилось временное психическое расстройство, приведшее к попытке самоубийства (Манделъштам выбросился из окна больницы в Чердыни). Для данного сопоставления, быть может, является также значимым сон Маргариты (начало второй части романа), в котором она видит Мастера в безотрадной местности, в жалком виде, а также мотив безумия Мастера (“Да, — заговорил после молчания Воланд, — его хорошо отделали”). Интересен также разговор его с Иваном в клинике о возможности выпрыгнуть с балкона и

убежать: “Нет, — твердо ответил гость, — я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда”. Наконец, сама буква ‘М’ на колпаке Мастера в связи со всеми этими факторами получает амбивалентное значение, выступая как анаграмма; при этом она выступает в качестве двойной анаграммы: с одной стороны, ‘Михаил’ (Булгаков), с другой — возможно, также ‘Мандельштам’.

7.2. Как было показано выше, между Ершалаимом — Римом и Москвой выделяется еще один, не менее важный временной срез — начало XIX века. В этом срезе Мастер и Иешуа имеют целый ряд связей и проекций.

Однако в сравнительно малой степени это относится, как ни странно, к **образу Фауста**. Между Мастером и Фаустом удается обнаружить на протяжении всего романа довольно скудные связи, за исключением, конечно, общей темы контакта с Мефистофелем-Воландом. <...>

Связь с Фаустом более отчетливо проступает лишь в последней главе — во-первых, в мотиве стремительной скачки и, наконец, в заключительной сцене, где Воланд убеждает Мастера принять приют, уже прямо ссылаясь на “Фауста” (“Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?”).

Соответственно и Маргарита не имеет ничего общего с героиней “Фауста” ни в характере, ни в судьбе. Ее отличие даже подчеркнуто — в эпизоде с Фридой, которой она вымаливает прощение и судьба которой напоминает судьбу Маргариты из “Фауста”. Наконец, на балу “выясняется”, что Маргарита — родственница королевы Марго, и таким образом ее имя окончательно переключается в иную смысловую плоскость.

Таким образом, тема “Фауста” имеет в романе постоянные и непосредственные связи с темой Мефистофеля и Вальпургиевой ночи (и притом, как мы видели, это скорее связи оперного “Фауста”), но не с характерами главных героев.

<...> заглавие романа и эпиграф вызывают ожидание сильнейших реминисценций с этим произведением, и прежде всего в отношении главных героев (имя Маргариты в заглавии, слова Фауста в эпиграфе). Это ожидание оказывается обманутым: герои романа совсем не похожи на героев поэмы; более того, настойчиво вводится в структуру романа оперный вариант — так сказать, ‘апокриф’ “Фауста”. Но именно на фоне этих обманутых ожиданий в финале романа косвенно выясняется, что **тема “канонического” (гётевского) “Фауста” не только постоянно скрыто сопresentствовала в повествовании, но оказывается ключевой для понимания общего смысла романа.**

Чтобы стало ясным это последнее утверждение, рассмотрим сначала еще одну важную проекцию образа Мастера в “грибоедовско-фаустианской” эпохе — мы имеем в виду **Пушкина**. Заметим, что сходство Мастера и Пушкина подтверждается также возрастом — 38 лет (заметим попутно, что возраст, в котором погиб Пушкин, был особенно “актуален” в связи с пышным празднованием юбилея — столетия со дня смерти — в 1937 году).

В связи с данной параллелью становится понятной и та большая роль, которую играют в романе произведения Пушкина: прямо или косвенно включены в повествование “Евгений Онегин”, “Пиковая дама”, “Скупой рыцарь”, “Руслан и Людмила”, “Борис Годунов”, “Медный всадник”, “Сказка о золотом петушке”, “Песнь о вещем Олеге”. Судьба Мастера, как она определена в разговоре Воланда с Левием Матвеем, формулируется в виде скрытой цитаты из Пушкина: “Он не заслужил света, он заслужил покой” (ср.: “На свете счастья нет, но есть покой и воля”).

Итак, **трем основным временным проекциям романа соответствуют три главных героя: Иешуа — Пушкин — Мастер (с автобиографической проекцией образа последнего).** <...>

Приют находится в сфере Воланда. Тут дело не только в прямом содержании разговора Воланда с Левием Матвеем — произнесенный в нем приговор мог бы затем оказаться ложным. Но в самой обрисовке приюта имеется деталь — мотив, недвусмысленно указывающий на сопresentствие Воланда: Воланд говорит Мастеру, что здесь тот сможет слушать музыку Шуберта. Сопоставим это с тем, что ранее мы слышали отрывок из романса Шуберта (“Скалы, мой приют”) в исполнении “баса” по телефону — т. е. самого Воланда.

<...> Обращает на себя внимание топографическое сходство приюта с пейзажем из сна Маргариты: ручей и за ним одинокий дом, и ведущая к дому тропинка (“кочки” во сне, песок в приюте). Данное сопоставление не только сообщает приюту соответствующую окраску (ср. безотрадность и безнадежность пейзажа в сне Маргариты), но и переносит некоторые определения, которые из метафорически-оценочных (какими они как будто являются в сне) превращаются в буквальные по отношению к приюту: “неживое все кругом <...>”, “Вот адское место для живого человека!”, “<...> захлебываясь в неживом воздухе <...>”, “<...> бревенчатое зданье, не то оно — отдельная кухня, не то баня, не то черт его знает что”; как уже не раз наблюдалось в романе, то, что сначала казалось лишь расхожей метафорой, оказывается впоследствии пророчеством.

Далее, с приютом сопоставляется также пейзаж клиники (стоящей на берегу реки у соснового бора), что еще раз подкрепляет мотив тюрьмы — ссылки. Но самая важная из топографических проекций приюта — это Гефсиманский сад, место убийства Иуды: опять река (через которую переправляются по камням) и за ней одинокое здание на возвышении. Данная параллель возвращает нас к мотиву причастия кровью Иуды, которое на балу скрепило договор с сатаной и конечным результатом которого оказывается.

[Зловещая символика, с которой связан в романе виноград (и которая накладывает недвусмысленный отпечаток на описание приюта), проявляется не только в теме Гефсиманского сада, но еще раз подтверждается в сцене казни в песенке про виноград, которую поет на кресте Гестас. Попутно заметим, что аналогичный сказочный смысл получает в романе также мотив растительного масла (ср. масличный жом в Гефсимании). Оливковое — розовое (мучившее Пилата) — подсолнечное масло закрепляется в качестве сквозного мотива, и комическая фраза “Аннушка уже пролила масло” не только сбывается как пророчество на Патриарших прудах, но и приобретает более широкий, апокалиптический смысл (ср. аналогичное строение фразы “кровь уже давно ушла в землю” в сцене причастия). Сопоставляя мотивы масла и винограда — крови — казни, можно заметить, что появление первого мотива всегда предшествует роковым событиям в романе — предательству Пилата, убийству Иуды. Соответственно и гибель Берлиоза выступает в этой связи как акт, предваряющий будущий договор Мастера с Сатаной, скрепленный кровью Иуды/Майгеля. В свете данной трактовки получает смысл и сопоставление Берлиоза с Иоанном Крестителем (мотив отрезанной головы), на первый взгляд чисто пародийное: функционально в романе-апокрифе Берлиоз оказывается предтечей Иуды.] В результате всех этих связей **приют выступает как результат договора с сатаной**. Именно здесь, в косвенной характеристике приюта, проступает фаустианский смысл образа главного героя и романа в целом. <...> Здесь выявляется важное отличие Мастера от Иешуа, а также, равным образом, и от Пилата (который в финале получает прощение и устремляется по лунной дороге с Иешуа). Иешуа (как и Пилат) не является творческой личностью, он всецело обращен к “реальной” жизни, к непосредственным контактам с окружающими его людьми; между ним и окружающим его миром связи прямые, а не опосредствованные барьером художественного (или научного) творчества. Иешуа не только ничего не пишет сам, но резко отрицательно относится к записям своего ученика Левия (ср. также отношение Пилата к записывающему его разговор с Иешуа секретарю). В этом он прямо противоположен образу Мастера-творца у Булгакова, бегущего из жизни, более того, саму свою, жизнь превращающего в “литературу”, в материал творчества — еще один пример того, как, казалось бы, **полное и явное сходство оказывается в конце концов лишь средством для того, чтобы сильнее подчеркнуть различие. В финале романа выясняется, что не совершивший предательство и мучимый раскаянием Пилат, а именно Мастер, чья судьба, как казалось сначала, являла собой полный параллелизм с историей его героя, оказывается подлинным и более глубоким антагонистом Иешуа.**

Гефсиманский сад оказывается той точкой, где расходятся пути Христа и Мастера. Первый, преодолев слабость, выходит из этого “приюта” навстречу своей судьбе. Второй остается и замыкается здесь, как в вечном приюте (“мне некуда идти”, — говорит Мастер в клинике). Вот почему в романе Гефсиманский сад оказывается связан с темой Иуды, и кровь Иуды скрепляет договор Мастера с сатаной и оставляет Мастера в вечном приюте.

Чувство вины, ответственности за какие-то критические моменты собственной жизни постоянно мучило Булгакова, послужило важным импульсом в его творчестве и нашло выражение в целом ряде его произведений — от ранних рассказов и “Белой гвардии” до “Театрального романа”. Этот автобиографический мотив многими нитями ведет к Пилату — тут и страх, и “гнев бессилия” <...> и, наконец, мучающие сны и надежда на конечное прощение, на желанный и радостный сон, в котором мучающее прошлое окажется зачеркнуто, все прощено и забыто. <...>

Параллельно с мотивом личной вины, постепенно вытесняемым и творчески сублимируемым, в творчестве Булгакова складывается другой мотив, который так же тянется от произведения к произведению, но, в отличие от первого, неуклонно нарастает, выявляется со все большей отчетливостью и все яснее приобретает автобиографические черты. **Этот мотив — ответственность и вина творческой личности (художника, ученого), которая идет на компромисс с обществом, с властью, уходит от проблемы морального выбора, искусственно изолирует себя от обступающих извне проблем, чтобы получить возможность работать, реализовать свой творческий потенциал — т. е., подобно Фаусту, вступает в сделку с сатаной в обмен на творческую реализацию (и связанное с ней бессмертие).** <...> этот сдвиг в сознании писателя наглядно выявляется, в романе в том, что именно Мастер отпускает Пилата, объявляет его свободным — а сам остается в “вечном приюте”. Человек, молча давший совершиться у себя на глазах убийству, вытесняется художником, молча смотрящим на все совершающееся вокруг него из “прекрасного далека” (еще один — гоголевский — вариант фаустианской темы, весьма значимый для Булгакова), — Пилат уступает место Мастеру. Вина

последнего менее осязательна и конкретна, она не мучает, не подступает постоянно навязчивыми снами, но это вина более общая и необратимая — вечная.

7.3. В заключение рассмотрим еще один ряд ассоциаций, связанных прежде всего с образом Мастера, но важных также для романа в целом и придающих всему повествованию еще один существенный аспект. Имеется в виду **тема Гоголя**. Данная тема проявляется на протяжении всего романа в виде многочисленных отсылок к различным произведениям Гоголя. Это, во-первых, различные “фольклорные” мотивы: хоровод русалок (“Майская ночь»), полет на метле (“Ночь перед Рождеством”), чудесное избавление от нечистой силы благодаря крику петуха (“Вий”). Далее, это скандал с украденной головой Берлиоза (“Нос”), выглядывающий в углу черт (“Записки сумасшедшего”), панорама залитого солнцем города (“Рим”). Отметим также, что трактовка в романе роли искусства и художника вызывает в памяти “Портрет” Гоголя.

Но главным в ряду этих ассоциаций является мотив сожженного романа, отсылающий к “Мертвым душам” и более того — уже не только к творчеству, но и к личности и судьбе Гоголя. <...> Оно позволяет ответить на важнейший для понимания романа вопрос: **закончен ли роман “Мастер и Маргарита”? Сюжетное развитие, безусловно, доведено до полного завершения, о чем прежде всего свидетельствует тот факт, что окончание романа отмечено заранее оговоренной заключительной фразой.** Да и эпилог, в котором перед нами проходят все герои романа, выглядит типичным заключительным шествием-апофеозом (ср. аналогичное заключение романа Томаса Манна). С другой стороны, известно, что Булгаков продолжал работу над романом до самой смерти. Отдельные мелкие стилистические погрешности и сюжетные неувязки второй части указывают как будто на отсутствие окончательной белой правки. <...> исследование мотивной структуры позволяет с большой уверенностью говорить о незаконченности романа, причем незаконченности именно его второй, “позитивной” части. <...> Параллель с “Мертвыми душами” довольно очевидна, и многократно повторенный мотив сожженной рукописи скрепляет эту параллель в тексте самого романа. Более того, роман Мастера, несмотря на то что он как будто закончен и несет в себе внешний сигнал окончания — все ту же заранее оговоренную заключительную фразу, — объявляется затем Воландом незаконченным — и незаконченным именно в позитивной части, т.е. не включившим в себя прощение Пилата, искупление и примирение. Тем самым данная фраза аннулируется и как сигнал окончания всего повествования в целом.

В связи с этим возникает вопрос: является ли незаконченность “Мастера и Маргариты” чисто “биографическим” фактом, связанным с преждевременной смертью писателя, или же литературным фактом — результатом некоего (не обязательно осознанного) намерения? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным — так же, как и в отношении “Мертвых душ”. Заметим лишь, что открытость, незамкнутость структуры, несомненно, хорошо согласуется с жанром романа-мифа. Неопределенность границ мифа, его готовность проецироваться во все новые, все более отдаленные и все менее ясно очерченные сферы, его пророческая интонация, быть может, рельефнее выступают в сочетании с впечатлением некоторой незавершенности, и последняя тем самым оказывается необходимой конститутивной чертой художественного целого. Интересно в этой связи напомнить, помимо незавершенности “Мертвых душ”, о “скомканном”, как бы скороговоркой произнесенном расставании с героем и во второй части “Фауста”, и в “Евгении Онегине”, т.е. все в тех же ключевых для романа Булгакова текстах.

Итак, **незавершенность романа Булгакова, скрепляя его связь с “Мертвыми душами”, проводит соединительную линию между автором “Мертвых душ” и Мастером, а также самим Булгаковым.** <...> Для сопоставления с “Мертвыми душами” интересно также, что сон Маргариты имеет ясные черты гоголевского пейзажа (ср. гл. XI “Мертвых душ”):

“Приснилась неизвестная Маргарите местность — безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные, нищенски полуголые деревья, одинокая осина, а далее, — меж деревьев, за каким-то огородом, — бревенчатое зданье <...>”

Ср. у Гоголя:

“Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе <...> Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит, не очарует взора”.

Наконец, амбивалентный по смыслу финал “Мастера и Маргариты”, где после комического “свидания” Ивана Николаевича с Николаем Ивановичем возникает образ лунной дороги, по которой уходят — куда? — Мастер и Маргарита, явно сопоставляется с концовкой первой части “Мертвых душ” — притчей о Кифе Мокиевиче и

Моики Кифовиче и затем — столь же двусмысленно-пророческой картиной дороги, по которой тройка уносит Чичикова.

Во всех этих соответствиях выявляется еще один “модус” романа “Мастер и Маргарита”, как проекции “Мертвых душ”, с вовлечением тем самым в его структуру и темы мертвых душ, и пророчества о будущем России, и даже “прекрасного далека”, из которого кажется, что весь этот мир художнику “только снился”. Эта незавершенность пророчества и его исполнения хорошо соответствует и образу горящего романа Мастера (и его прототипа) и свойствам романа “Мастер и Маргарита”.

Андрей Кураев. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против?

Воланд и в самом деле прибыл в Москву для знакомства с рукописью одного из Фаустов. Но называя имя первого литературного Фауста, но имеет в виду последнего – Мастера. Вот с его рукописью он и в самом деле познакомился. И о ее существовании он знал все же с самого начала...

Отношения Мастера с Воландом – это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары (информацию, видения-«картинки», энергию, силы, при необходимости и «материальную помощь» и защиту от недругов).

Порой при этом сам человек не понимает до конца, откуда же именно пришел к нему источник его вдохновения. Мастер, например, уже завершив свой роман, впервые встречается с Воландом лицом к лицу. Причем Воланд делает вид, что он никакого отношения к творчеству Мастера не имеет (точнее, словом Воланд заявляет одно, а делом – являя сожженную рукопись – тут же демонстрирует совсем иное).

Вот чего нет у сатаны – так это собственного творческого таланта. Оттого так ненужны, скучны и повторны пакости воландовской свиты в конце московского романа (уже после бала у сатаны).

<...> Лишь человек несет в себе образ Творца творцов. Способность же творить, менять мир и властвовать над ним вменена человеку вместе с телесностью. Отсюда и важнейший этический вывод: «Ангел неспособен к раскаянию, потому что бестелесен» (преп. Иоанн Дамаскин). Поскольку способность к творчеству связана с телесностью, а раскаяние есть величайшее творчество – то вне тела раскаяние невозможно. Не поэтому ли падший ангел не может покаяться? Не поэтому ли его отпадение невосвратимо и вечно? Не поэтому ли и для человека нет покаяния после выхода души из тела? Не поэтому ли Христос говорит: «В чем застану – в том и сужу»?

<...> **Сатана – ангел (хотя и павший). И поэтому он сам не может творить. Поэтому и нуждается он в творческой мощи людей. Поэтому и нужны ему все новые Фаусты – в том числе и Мастер.**

Воланд одалживает Мастеру свои глаза, дает ему видения. Мастер же (которого Булгаков выводит на сцену в тринадцатой главе) эти видения пропускает через свой литературный гений. **Воланд просто использует Мастера в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант Мастера, который по завершении своей миссии становится творчески бессилён.**

Эта история очередного Фауста необычна, пожалуй, лишь одним: в жизни Мастера нет минуты решения, выбора. Оттого нет и договора. Мастер неспособен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иудеев всех веков: иного, мол, и не остается «– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там» (гл. 30). Воланд просто подобрал то, что плохо лежало. **Мастер не продал сатане душу. Он ее просто растерял (поступок, то есть сознательную отдачу себя сатане в булгаковском романе совершает лишь Маргарита).**

Трижды и тремя разными способами вводится пилатова линия в текст московского романа. Сначала как прямая речь самого Воланда. Затем – как сон Иванушки, и, наконец, как рукопись романа Мастера. При этом стилистически, сюжетно, идейно текст из всех трех источников оказывается поразительно един. Кто может контролировать все три источника?

<...>
О судьбе Мастера сказано красиво: «Он не заслужил света, он заслужил покой». <...> Почему все так рады за Мастера, что завидуют его «синице в руке», совсем и не задумываясь о его утрате – о «журавле в небе», о Свете? Ведь в русской литературной традиции свет и покой едины. Булгаков даже для эпиграфа письма к Сталину избрал некрасовское стихотворение, в котором была строка – «Вдруг ангел света и покоя мне песню чудную запел»... Неужели непонятно, что покой оторванный от света – это темный покой, могильный мрак?

Так в чем же грех Мастера? Почему он не заслужил света? В чьих глазах он «согрешил»? От кого он принимает свою полу-награду, полу-наказание?

Ясно, что его грех связан с его романом. Но **что же было грехом – написание романа в синергии с Воландом или его сожжение?**

Приговор Мастеру выносит Иешуа (второстепенный персонаж его романа о Пилате). Персонаж судит своего автора. Но автор не один: есть соавтор – Воланд. Иешуа – создание не только Мастера, но и Воланда. Поэтому Воланда он просит о покое для Мастера. Для Воланда эта просьба призрака, вызванного им же самим к жизни, досадна и нелепа. И без нее Воланд уже решил, что делать с Мастером, а заодно и с Маргаритой.

Тогда понятно, что грехом (с точки зрения Воланда и Иешуа, а отнюдь не моей) оказывается именно сожжение романа. Мы уже знаем, что призраки чахнут, если их оставлять без внимания... Мастер должен был впустить евангелие от Воланда в мир, но – испугался. Воланд пробовал подтолкнуть его к тиражированию рукописи, подослав к нему Маргариту. «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером». Уже после провала Мастер «шепотом вскрикивал, что он ее, которая толкала его на борьбу, ничуть не винит, о нет, не винит!». (Так Иешуа не винит Понтия Пилата). Маргарита же именно после издательского провала рукописи стала отдаляться от Мастера: «теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять».

<...> Попробуем приглядеться к той вечности, по которой обречен бродить призрак Мастера (именно призрак; не будем забывать, что тело Мастера, отравленное Азazelло, не то сгорело в арбатском подвале, не то осталось в палате № 118).

Фауст по воле и милости Бога избежал вечного общения с Мефистофелем и его командой. А вот Мастеру далеко до такой участи. Он и по смерти остается в области Воланда. Мастер не переходит в мир Христа, в мир ангелов. И в вечности Мастер зависим от Воланда и его даров.

Дары же Воланда всегда по меньшей мере двусмысленны. Во всем романе он наиболее откровенно врет именно в этой сцене прощания с Мастером.

О Пилате Воланд говорит так: «Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать». Стоп! Ведь Иешуа через Левия Матвея просил за Мастера, а не за Пилата!

<...> Что еще Воланд уготовил Мастеру на вечность? – призрак Маргариты. Качество этого подарка вызывает определенные сомнения, изложенные в предыдущей главе.

Следующий дар – музыка Шуберта.

Из окончательного текста романа трудно понять, почему именно Шуберт станет неразлучным с Мастером. Но в ранних вариантах все яснее. Там звучит романс Шуберта «Приют» на стихи Рельштаба: «черные скалы, вот мой покой»: Варенуха «побежал к телефону. Он вызвал номер квартиры Берлиоза. Сперва ему почудился в трубке свист, пустой и далекий, разбойничий свист в поле. Затем ветер. И из трубки повеяло холодом. Затем дальний, необыкновенно густой и сильный бас запел, далеко и мрачно: „... черные скалы, вот мой покой... черные скалы...“. Как будто шакал захохотал. И опять „черные скалы... вот мой покой...“ [245]. Или: «Нежным голосом запел Фагот... черные скалы мой покой». Вот и отгадка – что значит «покой без света».

Романс Шуберта, исполняемый Воландом по телефону, отсылает нас не только к Мефистофелю, но и к оперному Демону Рубинштейна. Декорации пролога оперы «Демон» в знаменитой постановке с участием Шаляпина легко узнаваемы читателем булгаковского романа – нагромождения скал, с высоты которых Демон – Шаляпин произносит свой вступительный монолог «Проклятый мир».

Так что «божественные длинноты» Шуберта, воспевающего черные скалы, Воланд превратил в инструмент замаскированной пытки. Теперь протяженность этих длиннот будет неограничена...

Еще один воландов дар: «старый слуга».

Значит, кто-то и в вечности останется «слугой»? В христианстве такого представления нет. Мертвый слуга за гробом – это египетские «ушебти». В гроб египтян клались деревянные фигурки рабов. Предполагалось, что именно они будут выполнять черную работу в загробном мире, в то время как люди (т.е. собственно египтяне) будут радоваться плодам «полей Иалу». А это означает, что посмертие, организованное Воландом – это не-христианское посмертие. Вечность с буратинами. И мелькнувший там Иешуа не более похож на Иисуса, чем египетский фаллический знак (анх) – на Голгофский Крест.

Следующий подарок: домик.

Только советская образованщина, испорченная «квартирным вопросом» и мечтой о дачном домике в Переделкино могла увидеть в этом достойную замену Небесному Иерусалиму и христианскому раю.

Маргарита увещевает Мастера обзавестись «домиком с венецианскими окнами». Но именно в таком домике и жил Фауст, и именно на эти окна у него была аллергия: «Назло своей хандре Еще я в этой конуре, Где доступ свету загражден Цветною росписью окон!».

Фаусту, «чья жизнь в стремлениях прошла», Мефистофель однажды предложил следующий жизненный план: «Возьмись копать или мотыжить. Замкни работы в тесный круг. Найди в них удовлетворенье. Всю жизнь кормись плодами рук, Скотине следуя в смиренье. Вставай с коровами чуть свет, Потей и не стыдись навоза – Тебя на восемьдесят лет Омолодит метаморфоза».

Фауст гневно протестует: «Жить без размаху? Никогда! Не пристрастился б я к лопате, К покою, к узости понятий».

И вот мирок, из которого вырвался Фауст, Воланд предлагает Мастеру как высшую награду.

Воланд сам упомянул Фауста и обещал Мастеру то, что якобы привело бы в восторг самого Фауста. Но реально Мастеру он подсунил то, что у Фауста вызывало лишь приступы хандры.

<...> Вечность без вдохновения ждет Мастера: «– Так, стало быть, в Арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение? – У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, – ответил мастер, – ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – он опять положил руку на голову Маргариты, – меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал» (гл. 24).

Мастеру еще предстоит узнать страшную правду о своей творческой импотенции: без воландовского вдохновения он уже не сможет написать ничего подобного своему сгоревшему роману... Воланд подарил этот роман Мастеру. Воланд же (через Азazelло) его и сжег. Дары Воланда всегда двусмысленны. Мастер ведь уже предчувствовал, с кем связался и чем все это кончится: «Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами» (гл. 13).

<...> Такая же боль ждет и Мастера в домике, который подарил ему сатана. Пытка покоем. Наказание тупиком. Пусть вишни, пусть Маргарита. Но нет Христа. Нет вертикали, Выси. И даже Воланд распрощался с Мастером навсегда. Маргарита подчеркивает, что это «вечный дом» Мастера...

<...> Когда-то Воланд напомнил: «все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере». Мастер получил по своей вере. Но по тому, что он получил, можно составить представление о предмете его веры, о скудости его веры и его мечты... «Вы нас убили, мы мертвы. Ах, как это умно! Как это вовремя!».

Завершение романа могло бы показаться оптимистическим: Пилат ушел с Иешуа, Мастер получил покой... В полете с Воландом преображаются все – меняется Маргарита, меняется сам Воланд, становится красив Бегемот, из шута в рыцаря преображается Коровьев, меняет свои черты Азazelло. Преображаются все – кроме Мастера. Мастер меняется лишь в одежде. Ни глаза, ни лицо, ни душа у него не меняются: «Маргарита хорошо видела, как изменился мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате N 118-й привычке, сам себе бормотал». **Пациент остался пациентом...**

А вот – последнее появление Мастера в романе: «Женщина выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. – Так, стало быть, этим и кончилось? – Этим и кончилось, мой ученик, – отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит: – Конечно, этим. Все кончилось и все кончается... И я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо».

Так чем же «все кончилось»? – Вот этим: «пугливо озираясь». Мастер, и так в ходе романа лишенный имени (точнее – донашивающий один из титулов Воланда), теперь и просто становится номером... Ничего себе «покой»!

А логический финал судьбы Маргариты был прописан в романе еще раньше. Развязка произошла уже тогда, когда Маргарита приняла предложение стать хозяйкой сатанинского бала: «Короче! – вскричал Коровьев, – совсем коротко: вы не откажетесь принять на себя эту обязанность?» «– Не откажусь», – твердо ответила Маргарита. « Кончено!» – сказал Коровьев».

Так, может, просто сбился старый сон Маргариты? «Сон, который приснился в эту ночь Маргарите, был действительно необычен. Дело в том, что во время своих зимних мучений она никогда не видела во сне мастера. Ночью он оставлял ее, и мучилась она только в дневные часы. А тут приснился. Приснилась неизвестная Маргарите местность – безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные, нищенские, полуголые деревья, одинокая осина, а далее, – меж деревьев, – бревенчатое зданьице, не то оно – отдельная кухня, не то баня, не то черт знает что. Неживое все кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека! И вот, вообразите,

распахивается дверь этого бревенчатого здания, и появляется он. Довольно далеко, но он отчетливо виден. Оборван он, не разберешь, во что он одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза больные, встревоженные. Манит ее рукой, зовет. Захлебываясь в неживом воздухе, Маргарита по кочкам побежала к нему и в это время проснулась» (гл. 19).

На такое подозрение наводит то обстоятельство, что «Ни в одной редакции романа герой так и не увидит свой вечный дом. Не войдет в него... Покой мастера навсегда останется обещанным ему. Только обещанным»[257]. Сам Мастер не видит никакого домика и сада. «Мастеру казалось...» – вот последнее переданное Булгаковым состояние Мастера. Лишь Воланд и Маргарита шепчут ему о том, что вот-вот будет дано ему в награду. Этакая «агитбригада ада». Точно так же Иешуа успокаивает Пилата вопреки всякой очевидности. Иешуа уверяет Пилата, что казни не было, но при этом сам Иешуа предстает в этой же сцене «в разорванном хитоне и с обезображенным лицом». Иешуа (вновь говорю: Иешуа – персонаж романа, написанного Мастером и Воландом – Мессиромастером – а не евангельский Иисус) и Маргарита в равной степени используются Воландом.

Маргарита ради встречи с Мастером готова была стать ведьмой, отдать и душу и тело сатане. Сначала Мастер зовет Маргариту в «баню с пауками». Маргарита согласна. Что ж, настала ночь оплаты счетов. Теперь она ведет Мастера по указке Воланда.

<...> Не стоит завидовать участи Мастера. Тот, кто всю жизнь сам себя добровольно заключал то в музей, то в подвал, то в психушку, и по смерти не найдет свободы.

<...> **Плохо кончается роман. Беспросветно. В этом отличие фаустианы XX века от традиции прошлых веков. Нет здесь Deus ex machina. Нет спасающего и всеизменяющего вторжения Божьего промысла. И это самое страшное предупреждение романа: всё может кончиться плохо. Есть такая мера человеческого забвения о Творце и отречения от Него, когда и Небо уже бессильно. Шутки могут заходить необратимо далеко.**

Попробуем обобщить прочитанное

1. Гаспаров (первая публикация 1988-1989 гг): мастер заслужил покой, а не свет, потому что убоялся и, у боявшись, отказался от угаданной им Истины (отказался от имени, сжёг роман, тем самым уничтожив героя-носителя Истины - Иешуа). Его главный герой – Пилат, потому что проблема мастера = проблема Пилата = проблема творческого человека, вступившего в конфликт с властью: говоришь Истину – гибнешь, и Знание перестаёт существовать вместе с тобой, скрываешь Истину – и Знание гибнет.

(Евангелие от Матфея 5:14-16:

¹⁴ Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. ¹⁵ И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. ¹⁶ Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.)

Творчество – дар, делающий человека богоподобным, и ответственность, которую трудно вынести.

Иешуа – историческая правда об Иисусе, это Иисус в земной жизни; роман мастера – не Евангелие (Благая Весть о Спасителе), а роман о Пилате – человеке, жившем в условиях тоталитарной власти, убоявшемся этой власти и мучающемся угрызениями совести.

2. Дьякон Андрей Кураев (2005 публикация работы отдельной книгой): мастер получил покой, потому что от Воланда он и не мог получить ничего, кроме могилы тела и духа. Роман мастера – Евангелие от Воланда, цель которого – сознательная дискредитация Иисуса; мастер – инструмент в руках Воланда-Сатаны, содержание романа – ложь. Мастер не Творец и даже не творец, что Булгаков хорошо понимает, скорее всего, не соглашается со своим героем, финал романа – трагическое предупреждение тому, кто не выдержит искушения.

3. Александр Зеркалов. Этика Михаила Булгакова

Алекса́ндр Иса́акович Ми́рер (псевдоним Алекса́ндр Зерка́лов (1927, Москва —2001, там же) — советский и российский писатель-фантаст, литературовед, критик и переводчик. В 1970—1980-х годах А. Мирер работал в основном как литературовед, публикуя под псевдонимом Александр Зеркалов статьи о творчестве Михаила Булгакова, братьев Стругацких, Дж. Толкина и других отечественных и зарубежных авторов. В 1988 году в США издана его монография «Евангелие Михаила Булгакова» (переиздана в России в 2003 году); в 2004 году выпущена ещё одна (незаконченная) монография «Этика Михаила Булгакова».

Очевидно, всей системой переиначиваний «Фауста» Булгаков дает понять, что этика нового времени, этика деятельной перестройки мира для него, Михаила Булгакова, неприемлема. **Его праведник – человек, удалившийся от мира. Его мораль – схимническая мораль несотворения зла путем отказа от мирской деятельности.** Он отказывается от Фауста и более чем принимает Иова: делает своего Иова не богачом, а нищим, не отцом семейства, а одиночкой; иудейского праведника, богатого скотовода, он заменяет традиционным христианским бессребреником и аскетом.

Но – опять-таки на первый взгляд, ибо **Мастер удаляется от мира не для молитв и поста, а для творчества. И праведность его – на таких условиях – обусловлена иной этико-теологической структурой мира.**

Земное зло не принадлежит Богу – ни прямо, ни через сатану. Оно принадлежит только людям, и так было всегда. Поэтому на землю послан не Бого-человек, а дьяволо-человек, Воланд, – он к мирской деятельности ближе, хотя повернуть людей к добру он не может, сколько бы ни хотел. Приверженность к сатане-Воланду не считается грехом, что видно по судьбе Маргариты, разделившей судьбу праведника.

В этической системе Булгакова сохранены два элемента традиционного христианства: сострадание и любовь земная. Маргарите прощается деятельность, ибо то, что Фауст делал для себя и для общественного созидания, она делает для любимого человека.

Однако в этой, по видимости стройной конструкции есть одна смущающая деталь. **Мастер – истинный праведник, но Булгаков не наградил его «светом» – раем. Это тем более удивительно, что он писатель, причем писатель по преимуществу. Он даже лишен имени: «мастер» – со строчной буквы. Его творением, «романом» объясняется лестное внимание Воланда и Иешуа; роман как-никак прочитывается на небесах. Мастер почти приравнен к Иешуа, они кончают земной путь одинаково – в начале грозы весеннего полнолуния.** Можно добавить еще соображения «от противного» – антигерои-писатели Берлиоз, Бездомный (в начале), Рюхин; писательский клуб, выжженный огнем, и т. д. Вспомним также, что «Мастер и Маргарита» суть «литература о литературе». Образ Воланда, нашпигованный литературными аллюзиями; образы Иешуа и других героев, также пролитературенные; все строение романа – мир литературы, просвечивающий через реальность, и социологическая мысль, раскрывающаяся через этот условный мир.

Воспользуемся этими соображениями, чтобы понять вину мастера. **Он творческий человек, и вина должна быть творческая.** Для начала обратимся к теме, которую мы почти не затрагивали до сих пор: изображение литературного микромира Москвы.

<...>

... Весь **МАССОЛИТ подается как место раздачи материальных благ.** Теперь добавлю, что упоминавшиеся блага – «не всё, и далеко еще не всё». Главное, писатели владеют рестораном – «и каким рестораном! По справедливости он считался самым лучшим в Москве». За этим восклицанием идет блестящая страничка художественной рекламы ресторана, но со зловещей интонацией: все описывается в закончившемся прошлом. «Эх-хо-хо... Да, было, было! Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова!».

В начале темы уже звучит каденция; предсказывается конец: все это обречено, ибо судия уже прибыл...

И началом этим весь МАССОЛИТ, творческое объединение, стягивается к ресторану – или редуцируется до него. А далее для всех литераторов в романе «Грибоедов» становится хронотопом порога (Бахтин) – местом, «где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, решений, определяющих всю жизнь человека».

В «Грибоедове» писатели узнают о гибели Берлиоза; туда прибегает Бездомный ловить «консультанта», и там же Бегемот с Коровьевым творят шутовской, но беспощадно-серьезный суд над советскими литераторами и их обычаями.

Для писателя время вне хронотопа ресторана – пустое, пропащее; «Поэт истратил свою ночь, пока другие пировали, и теперь понимал, что вернуть ее нельзя. Стоило только поднять голову от лампы вверх к небу, чтобы понять, что ночь пропала безвозвратно». Едкая, я бы сказал даже, чудовищно едкая ирония: поэт Рюхин покинул ресторан для дела сострадания – и «истратил ночь», «ночь пропала». Он поднимает голову к небесам и не видит за ними Бога – идеи сострадания, – но только знак кончающейся ночи.

Сакрализованный ресторан, хронотоп счастья, Булгаков превратил в хронотоп сатирического разоблачения. Тема «Грибоедова», окаймляющая роман, сама **открывается рыбой – судачками а-натюрель, и заканчивается крадеными балыками.** Между ними помещаются: стерлядь, сижки, рыбец и осетрина, испорченная вне ресторанного квазимагического круга. В сопутствующей теме Торгсина обыгрываются

лососина и селедка, причем последнюю Бегемот пародийно пожирает. Наконец, только что упомянутая «семга в шкуре». <...>

...Символ рыбы фигурирует в обоих Заветах и Талмуде ... перешел и в позднюю христианскую традицию. Греческое слово «ихтис» – **рыба – трактуется как аббревиатура сакральной формулы: «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель».** Булгаков такие вещи знал; настойчиво принижая рыбу до уровня только-пищи, он как бы напоминал, что нельзя путать символы: знак ресторанного обжорства не может одновременно быть – или хотя бы казаться – возвышенным, ибо тогда за ним кощунственно увидится имя того, кто провозгласил: «Не хлебом единым жив человек»...

Мне кажется, этот умозрительный ряд принижения еды соответствует другому, очень заметному противопоставлению. **Второе имя Иисуса – Слово; Булгаков делает погоню за рыбой-пищей главной целью писателей – идеологов, людей, пользующихся словом.**

Об этом и толкуют Коровьев с Бегемотом, глядя на писателей-едоков: «...Несколько тысяч подвижников, решивших беззаветно отдать свою жизнь на служение... но!.. если они не загниют! – Кстати, что это они делают? – Обедают...». (Я позволил себе собрать слова Коровьева и Бегемота в короткий диалог.)

Гниль уже съела писателей, даже самых чистых и бескорыстных – таких... как сам автор.

Поэтому писательская байка: «Говорили, говорили мистики...» так неожиданно – на первый взгляд – переламяется к стону: «Но нет, нет! Лгут обольстители-мистики. ...Нет ничего, и ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за нею бульвар... и плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мне, яду!..»

Одно из редчайших мест, где Булгаков сбрасывает свои множественные маски и появляется на авансцене с открытым лицом. **«О боги...» – его слова, им вложенные в уста Пилата; это единственное прямое – видное любому читателю – отождествление себя с трусливым карьеристом.**

Игра довольно сложная: Мастер (в конце романа) тоже произносит кодовые слова: «боги, боги» и тоже признаваясь в страхе, но – не в причастности к Ресторану, символу литературной карьеры, ибо не Мастер сидит под чахлой липой – сам Булгаков, что обозначено совершенно точно. Мастер иногда «отправлялся обедать в какой-нибудь дешевый ресторан» – так он говорит и добавляет: «На Арбате был чудесный ресторан...». Мастер-то не был членом МАССОЛИТа, а Булгаков – был...

Поскольку сидел, пряча лицо от «налитых кровью глаз».

В Ресторане. Куда «не-членов» не пускал швейцар.

Поэтому сатира Булгакова столь трагична и двойственна; поэтому **ресторан сакрализуется почти всерьез – он действительный, не сатирический центр важнейших событий литературы.** Место, где вынужденно творится суд над собой и другими, где приходит понимание сути вещей. Переход от спокойно-эпического «Говорили, говорили мистики...» к пронизывающему душу стону: «И страшно, страшно...» и есть такое понимание и суд.

<...> Мастер оказался как литератор и как человек лицом более почтенным, чем автор романа. Притом с точки зрения самого автора.

Воланд, «великий и грозный дух», судья человеков, явно прибывает в Москву прежде всего для суда над писателями.

В то же время он сам – сумма значимых литературных образов, среди которых есть, хотя бы фрагментарно, образ Иисуса Христа. Он как бы приспособлен именно для суда над литературой и ее деятелями.

Этим обозначается, что литература – некий ключ, квинтэссенция бытия, в которой судья может прямо увидеть цену московского устройства жизни.

Увидеть, создаются ли новые ценности, такие, как «Дон-Кихот», «Фауст», «Мертвые души», «Ревизор», «или, на самый худой конец, „Евгений Онегин“». Отбор вещей, названных Коровьевым, целенаправлен: все превосходны, бесконечно правдивы и бьют наотмашь по социальному злу своего времени. Даже сановник Гете дал злую пародию на имперскую власть. (Поэтому „Евгений Онегин“ – „на худой конец“; разоблачительный пафос там мягкий.)

Это подчеркивается – тонкими ходами. «...Или, черт меня побери, „Мертвых душ“!»

«А?» – подает Коровьев. «Страшно подумать», – совершенно серьезно подтверждает Бегемот; действительно – страшно подумать, что сделали бы тогда с писателем, создавшим аналог этой беспощадно разоблачительной книги.

Литературная нива мертва и пуста. Видна свора гонителей – критиков и литераторов; виден малограмотный Бездомный – «известнейший поэт», стихи которого «чудовищны», и виден Рюхин.

Рюхин более других характерен; он, как мне кажется, символизирует идеолога-обывателя не меньше, чем нахватанный хитрец Берлиоз, и, конечно уж, больше, чем двенадцать обывателей, членов правления

МАССОЛИТа. Об абсолютной принадлежности Рюхина ресторану мы упоминали; о нем говорит Бездомный так: «Типичный кулачок по своей психологии... тщательно маскирующийся под пролетария. ...Сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе... „Взвейтесь!“ да „развейтесь!“...». Сам Рюхин это подтверждает, думая о своих стихах: «Отчего они дурные? Правду, правду сказал! ...не верю я ни во что из того, что пишу!..». Это уже убийственно, но Булгаков продолжает с ним расправляться, пользуясь приемом Достоевского – отнесенной оценкой. Заглянем ровно на сто страниц вперед: «Никанор Иванович... совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: „А за квартиру Пушкин платить будет?..“. Никанору Ивановичу простительно: он малограмотный чиновник, „выжига и плут“ (как сказал Воланд). Но поэт Рюхин тоже, оказывается, не знает пушкинских произведений, а Пушкина, увы, знает „прекрасно“ – примерно на том же уровне. Даже уязвленный Иваном в самое сердце, он думает не о стихах великого поэта, а о пушкинском посмертном проклятье – бесконечно муссируемых (не только обывателями) фактах его биографии. „Вот пример настоящей удачливости... какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним... все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Не понимаю!.. Повезло, повезло!“. Говоря это, „балбес и бездарность Сашка“ (слова Бездомного) обращается к памятнику Пушкину, помещавшемуся тогда на Тверском бульваре, Рюхин говорит, стоя на платформе грузовика – „близехонько“ притом к памятнику... Булгаков всегда рассчитывает пространство действия точно: как раз на уровне глаз Рюхина, на свежей, менее полугода назад врезанной доске (в январе 1937-го, а действие происходит в мае) помещались знаменитые строки:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Вот что сделал Пушкин – отвечает рюхиным Булгаков. И вот чего не нашел Воланд в Москве – восславления свободы и милосердия – видит Бог, как это было нужно в 1937 кровавом году! Воланд находит одного Мастера; единственного, написавшего о свободе духа и бесконечном милосердии.

...Все так, но мы, как будто, снова убедились в том, что Мастер заслужил самой лучшей участи. **Я думаю, не следует считать его виной даже трусость, болезненный страх, владевший «каждой клеточкой» его тела. Он не виноват;** сам Воланд говорит: «Да... его хорошо отделали»; милосердная Маргарита вторит: «Искалечили, искалечили...». Да и страх его к моменту суда кончился: «Я ничего и не боюсь, Марго... потому что я все уже испытал».

Причина другая, причина литературная – гоголевская: сожженный в печи роман. Мастеру придан облик Гоголя: «...Бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос...» (547). Не надо даже сравнивать с известными портретами Гоголя, достаточно посмотреть в «Театральном романе» словесное описание; совпадает почти дословно.

Уничтожение правдивого и свободного слова – вот вина Мастера. Дело настолько страшное, что оно обсуждается в молчании. Воланд прочитывает роман на свой демонический лад, откладывает в сторону, а затем о нем говорится: «...И молча, без улыбки уставился на мастера». Особый акцент: «без улыбки», «уставился» – при том, что Воланд редко улыбается и каждый раз его улыбка бывает отмечена. И Мастер «неизвестно от чего впал в тоску и беспокойство, поднялся со стула, заломил руки и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать: – И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги...». Он говорит еще не сказанное в романе; впереди еще взгляд игемона, прикованный к луне, и его слова при пробуждении – те же самые. Когда прокуратор «вспомнил, что казнь была».

А позади – «...И страшно, страшно... О боги, боги мои...»

Невысказанный вопрос: почему ты убил свое творение? И высказанный, в сущности, ответ: убил, как Пилат Понтийский, из страха.

Уподобился властителям и идеологам, из страха перед словом, жгущим книги, убивающим Слово.

Убил; так и сказано: «...Роман, упорно сопротивляясь, все же погибал». Суд литературы, суд Воланда грозен и справедлив; ему нет дела до того, что Пилат убил Иешуа, спасая свою жизнь, – и до того, что Мастер спасся, вовремя уничтожив свое детище. Через полчаса-час после сожжения в его окна постучали – явилось НКВД в поисках «нелегальной литературы», и если он пробыл в заключении только три месяца, то благодаря своей предусмотрительности. Обвинительное заключение против него уже приготовили латунские, он уже был назван врагом («Враг под крылом редактора»), но вот – улыка-то была уничтожена... Уцелевшую же тетрадь унесла Маргарита.

Все это не принимается во внимание: **«Он не заслужил света»**. Тем не менее Мастер удостоен «покая» – ибо он не продался, не вкусил от скверны Ресторана.

Тема писательства в «Мастере» – глубоко личностная; для Булгакова она была фокусом практической этики. Мы уже имели возможность убедиться, что его этические требования не абстрактны: людям нужно хорошее жилье, еда и одежда; нужны собственность, полноценные деньги и полноценная работа. Лишать их этого – безнравственно. Для творческих же людей необходима творческая свобода, и, конечно же, лишать их этой свободы – величайшая безнравственность. Но вопреки всему: голоду, холоду, латунским – они должны работать, должны быть подвижниками – как и сказал Коровьев. Творчество самоценно.

Поведение писателя в безнравственной стране зависит от проблем в принципе житейских, практических. Гражданское мужество, отвага, нежелание лгать оборачиваются в условиях диктатуры безденежьем, жалкой каморкой, голодом – нищенством, как сказал Воланд. В крайнем выражении – тюрьмой, гибелью или душевной болезнью.

То есть крушением творчества – ибо рукопись Мастера в реальном, практическом бытии сгорела. А это – великое бедствие; в данной социальной ситуации правдивая и гражданственная литература есть единственная, может быть, надежда на иную жизнь в будущем.

Такова дилемма. Необходимо найти среднюю позицию между рестораном и сумасшедшим домом, между Берлиозом и Мастером. Не продаваться – но не умереть с голоду; что-то публиковать – для хлеба, но что-то главное оставлять для себя. И сжимать зубы, когда на тебя уставлены бычьи глаза литературных палачей.

Дилемма неразрешимая: вина перед совестью остается – Берлиозово клеймо... Раздирающая душу двойственность пронизывает эту тему романа. Как бы утешая себя, Булгаков объявляет, что политический ренегат Достоевский бессмертен; напоминает себе и читателю о былой гражданской доблести Достоевского – и об ее страшном результате, каторге. Чудом ведь волосок не оборвался и мир не лишился величайшего из гениев Литературы... (Каторга Мастера описана перифразом «Записок из мертвого дома». Сравните абзац от слов «Приснилась неизвестная Маргарите местность...» с пейзажем в VII главе «Записок...», от слов «Сарай, в котором обжигали и толкли алебастр...»). Самая безнадежно-двойственная фигура в романе – Иешуа Га-Ноцри, абсолютный эталон нравственности, но столь же абсолютно непрактичный творец. Он даже рукописи не оставляет; он позволяет другим «неверно записывать» за ним – и написать о нем то, что следовало бы сказать о Воланде: «Лопата Его в руке Его, и он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым».

<...>

Мы говорили о загробном наказании Мастера, о расплате за грех сожжения рукописи. По тексту же романа, вопрос не столь прост: Мастер одновременно и наказан, и награжден. Вот конспект диалога Левия и Воланда: «Он (Иешуа) просит тебя, чтобы ты взял с собою Мастера и наградил его покоем. – А что же вы не берете его к себе, в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий».

«Покой», как и «свет», загробная награда, но принадлежит она не булгаковскому Христу, а булгаковскому сатане; потому Левий и печален. Далее, в главе «Прощение и вечный приют», это место изображается прекрасным и блаженным – для Мастера и Маргариты. С другой стороны, предполагая, что Мастер все-таки наказан, мы не совершили ошибки: сказано – «не заслужил»... Все же «свет», принадлежащий Иешуа Га-Ноцри, интуитивно кажется высшей наградой, абсолютным блаженством.

В том, что мудрый и талантливый писатель этого блаженства лишен, и содержится наказание. <...>

«Свет» оказывается раем в самом ортодоксальном смысле, ибо рай есть место, где праведные помещаются вместе с Иисусом, другое имя которого – Свет. Даже не просто в ортодоксальном смысле, а по букве Писания: единственное прямое упоминание о рае звучит так: «...Ныне же будешь со Мною в раю»[138]. Это – «visio beatifica», «видение, дающее блаженство»; именно увидеть Иешуа-Иисуса и стремится Пилат.

Откуда стремится – вот вопрос. В булгаковском загробном мире мы сначала видим кару, постигшую игемона: он сидит «на каменистой безрадостной плоской вершине»; он «спит, но когда приходит полная луна... его терзает бессонница». Тогда он, как можно понять, терзается совестью. Затем нам показывают, что наказание исчерпано – «двенадцать тысяч лун» истекли, и Пилат видит Иешуа...

Снова – ортодоксия? Грешник «очистился» и вот – в раю? Отложим пока суждение, отметив, что он испытывал не «муки огненные», а внутренние мучения совести: это не католическое чистилище.

Следующий круг – Воландов «ад». Читателю показана лишь одна картина, сатанинского бала, и этого достаточно: «Там нет ни тьмы, ни жаровен, ни чертей» (Киплинг). Там веселятся, пируют, развратничают – гигантская «афинская ночь», как было отмечено. Но тут же показана и душа, покаранная муками совести, – Фрида.

Напрашивается такое предположение: при помощи таких мучений очищаются только те, кто имел совесть всегда; муки игемона после гибели Иешуа настойчиво подчеркиваются. Напротив, гости сатаны продолжают злодействовать на пороге бального зала: «...Кто-то в черной мантии, которого следующий... ударил в спину ножом».

О загробном «покое»: достаточно прочесть описание «вечного дома», данного Мастеру в награду, – здесь место блаженства, желанное обоими любовниками.

Итак, три круга иной жизни: ортодоксальный «свет» – рай, явно не-классический ад и совсем уже странный «покой», который, в сущности, также является раем. Но прежде, чем пытаться осмыслить булгаковскую парадигму загробного мира, вспомним, что внутри него производится и настоящая кара, несомненная – вторая казнь Берлиоза; уничтожение того, что в ортодоксии почитается бессмертным, – бестелесной души. И в момент казни, как мы помним, Воланд произносит свое кредо: «Каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это!»

Формула <...> по-видимому, содержит в себе и закон «того света». В самом деле: Левий, безоглядно поверивший Иешуа, получает «свет» – и вечно наслаждается лицезрением своего кумира. Мастер, жаждавший уединения с любимой женщиной и настоящих условий для творчества, это и получает; тысячи «королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников и сводниц» получают свою жалкую радость – пиры, разврат, убийства... Пилату, в сущности, тоже «дано по его вере» – его курульное кресло, полная изоляция от ненавистных ему людей и общество его любимого и любящего пса.

По тому же правилу – не разлучать любящих – Иешуа и Воланд поступают с Мастером и Маргаритой...

Еще крошечная деталь: Пилат спит на своей площадке – пока нет луны, а при жизни он спал плохо.

О муках совести мы только что говорили – они тоже «по вере», они лишь для тех, кто принес совесть с собою.

Итак, в «мире том» наказания нет. Есть возможность быть самим собой, вести ту жизнь, которой ты на самом деле желаешь, на которую ты способен, которой ждешь.

Фигурально выражаясь, «там» – единое царство покоя. Поэтому, естественно, нет раскаленных клещей и прочих аксессуаров «геенны огненной».

Последнее очень важно. Символы огня и огненной кары в Писании бивалентны; они равным образом сопутствуют изображениям ада и изображениям Бога, причем и в ипостаси Отца, и в ипостасях Духа и Сына. Высказывание об Иисусе было приведено в конце предыдущей главы, и там не было отмечено то, что должно привлечь сейчас наше внимание: Булгаков отнял у Иешуа важнейшую из регалий Иисуса, «огонь неугасимый», и передал его Воланду.

Казалось бы, это логично. Писатель, так сказать, отдал аду адово, а богу – божие... Но вот, только что мы убедились, что в Воландовом аду «геенны огненной» как раз и нет. Напротив, огонь Воланда пылает на земле. Образ очень сильный; обозначается, что истинный ад – на земле; обозначается также – да мы так и трактовали до сих пор, – что Воланд несет огненную кару местам сгущения скверны. И, как обычно у Булгакова, при новом прочтении обозначается новый ракурс.

Когда в подвале Мастера вспыхивает огонь, кажущийся адским пламенем, – Мастер и Маргарита кричат: «Гори, гори, прежняя жизнь! – Гори, страдание!» Им не за что было карать этот дом, приют их любви; они очищались от страдания. Как очищение от скверны можно трактовать пожары в «нехорошей квартире», Грибоедове, Торгсине.

Этот огонь – не потустороннее пламя ада, а огонь земного очищения, совершенно подобный тому, что новозаветная традиция вручила Иисусу. Причастие Его телом и кровью сравнивается в православии с огнем, очищающим достойных и опаляющим недостойных...

Мы нашли, таким образом, завершающий штрих к портрету Воланда, заместившего классического Бога Сына, штрих вполне булгаковский – причудливая смесь ортодоксии с религиозной ересью.

<...>

Угроза Суда есть основное противоречие в идее Нового Завета, идее пришествия доброго Божества. Фактически Иисус не был добр; он рассчитывал на человеческую трусость, и страх был в его системе воззрений положительным качеством, необходимым условием спасения. (Может быть, это не имеет прямого отношения к теме, но по Луке, например, сам Иисус – человек очень осторожный и осмотрительный. Он тщательно конспирируется; посылая апостолов готовить тайную вечерю, «Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он...»). Он храбр в конце пути, но отвага как бы не принадлежит ему самому; он жертвует собой по велению Отца: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты». Булгаков трансформировал эту просьбу о помиловании себе в предупреждение Пилату, которое недавно приводилось: «А ты бы меня отпустил, игемон...» Еще более показательным, что в романе «какой-то прохожий с кувшином в

руках» фигурирует в истории убийства Иуды из Кириафа. Агент Иисуса превращен в агента римской полиции, точнее даже, в агента Афрания – человека, сильно смахивающего на Аззелло...)

Итак, мы рассуждали о страхе. Иисус не мог заявить: «трусость – один из страшных пороков», поскольку сам рассчитывал на человеческую трусость. Трансформация его в Мышкина и **Иешуа, с их поразительным, безоглядным бесстрашием, символизирует стремление православия XIX века к образу безупречно доброго Божества** (и, разумеется, стремление литературы к созданию законченного образа). **Иешуа имеет моральное право на осуждение трусости, ибо он, в отличие от евангельского героя, сам не боится властей, никого не призывает «отдать кесарево кесарю» и никого не принуждает следовать за собой под страхом «плача и скрежета зубов».**

Повторяю: перед вами «выбранные места». Все процитированные работы значительно больше, чем фрагменты, которые вы видите перед собой. Все - в большей или меньшей степени – спорны. Во всех есть огромные списки использованной литературы и ссылки на разнообразные источники... Есть то, в чём они совпадают (например, в попытке объяснить образ мастера через Фауста), и то, в чём они принципиально различаются... Видимо, это главная особенность гениального и уже совершенно постмодернистского романа Булгакова, романа-мифа: он позволяет трактовать его по-разному, заставляет читателя быть соавтором. Роман позволяет читателю не знать почти ничего и обладать огромной эрудицией, но ... умножающий познание умножает скорбь: знание литературных параллелей создаёт лишь иллюзию понимания, в чём честно признаётся Б. Гаспаров уже названием своей работы – «Из наблюдений...»... Ну, понаблюдал...

Надеюсь, что предложенный материал поможет вам сориентироваться в многообразии критических статей, найти трактовки, максимально близкие вашему пониманию романа.

Дальнейший разговор – о творчестве в условиях тоталитарного государства:

А. Ахматова «Реквием»

В. Шаламов «Колымские рассказы»

А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор»

Нобелевские лекции А.И. Солженицына и И.А. Бродского